

И. С. Урбанаева. Рецензия на спецвыпуск журнала «Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии» «Тэнгрианско-буддийская цивилизация и этноконфессиональные традиции народов Внутренней и Северо-Восточной Азии»

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия

на спецвыпуск журнала «Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии»
«Тэнгрианско-буддийская цивилизация и этноконфессиональные традиции народов Внутренней и Северо-Восточной Азии»
Вып. 1., 2017 (гл. ред. К. Б.-М. Митупов, отв. ред. Т. И. Гармаева)

В издательстве Бурятского государственного университета опубликован очередной спецвыпуск журнала «Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии» – «Тэнгрианско-буддийская цивилизация и этноконфессиональные традиции народов Внутренней и Северо-Восточной Азии» (Выпуск 1/2017. – Улан-Удэ, 120 с.), посвященный роли тэнгрианства и северного буддизма в этнокультурогенезе тюрко-монгольских народов Внутренней и Северо-Восточной Азии, а также проблемам взаимодействия тантрического буддизма ваджраяны и махаяны с тэнгрианской религией Вечного Синего Неба и влияния тэнгрианско-буддийской цивилизации на этнокультурные и этноконфессиональные традиции Саяно-Алтая, Транс-Саянии и Циркум-Байкалии.

Статья Л. Л. Абаевой посвящена динамике развития традиционной религиозной культуры народов Внутренней Азии в добуддийский период, особое внимание уделено проблеме формирования культурной идентичности монгольских народов в условиях полиэтничного и поликонфессионального пространства, в котором кочевая культура монгольских и тюркских этносов взаимодействовала с китайской, маньчжурской, русской (восточнославянской) культурами, а также затронуты вопросы трансформации и модернизации идентичности и традиционных систем ценностей современных монгольских сообществ Монголии, Китая, России в процессах глобализации и интеграции. Одним из основных теоретико-методологических положений статьи Л. Л. Абаевой является тезис о том, что, хотя трансформация индивидуального сознания по «вектору культурной компетентности» происходила гораздо интенсивнее, нежели трансформация этнической и социальной идентичности, именно «традиционная религиозная культура монгольских народов, как самая консервирующая система, все же, способствовала процессу сохранения этнической идентичности», и что «этническая идентификация в поликультурном регионе происходит, скорее всего, по конфессиональным признакам, нежели по собственно этническим признакам». В случае монгольской культурной идентичности важнейшими основаниями, на взгляд автора, служит наряду с буддийскими концептами и практиками также «комплекс систематических знаний и представлений, умений и навыков, традиций и ценностных ориентаций», характерных для кочевой цивилизации монголов и сформировавшихся еще в добуддийский период. Буддийские символы, теории и практики, как доказывает Л. Л. Абаева, «органично и вполне естественно были восприняты монголосферой», поскольку система традиционного мировоззрения монгольских народов, по ее мнению, была готова не только «адаптировать их, но и транслировать эти теории и практики, видоизменяя и трансформируя их». Соглашаясь с тем, что традиционное мировоззрение кочевников Внутренней Азии оказалось не только совместимым с буддийской картиной мира, но и пригодным для трансляции буддийских идей, замечу, что, на мой взгляд [Урбанаева 2014; 2016], ядро буддийской системы, образуемое Четырьмя Благородными Истинами и *четырьмя философскими печатями*, а также духовные практики, обусловленные специфическими для буддизма сотериологическими целями освобождения от сансары и достижения просветленного состояния Будды, в тибето-монгольской культурной среде оставалось аутентичным. Адаптация буддизма в монгольской среде приводила к

трансформации культурной оболочки и ритуальной системы буддизма, но не его философии и базовых практик.

В статье М. И. Зильбермана «К наименованиям изначального Единого бога и его проявлений» на основе обширного в географическом и культурном смысле материала – филологических, мифологических, религиоведческих и др. данных предпринята попытка выявления архаических истоков наиболее ранних предмонотеистических представлений об «изначальном Едином Боге» у разных народов Евразии, в контексте их этногенетических связей и взаимодействия. Автор отмечает, что представления об извечном существовании Единого и единственного Бога, зародились у самых разных народов еще на заре человечества. Так, уже в палеолите (в мустье) существовала вера в две его ипостаси (мать-отец), каждая из которых, при необходимости, проявляла себя либо как Великая мать (возраст «палеолитической Венеры», обнаруженной в Марокко, 500–300 тыс. лет.), либо как бог-отец, как естественная «супружеская» пара, перманентно созидаящая жизнь. В качестве недостатка этой интересной статьи следует указать отсутствие резюмирующей части и четко сформулированных выводов.

Статья Р. В. Лебедева «Интерпретация некоторых сакральных топонимов Саяно-Алтая в свете этногонических тюрко-монгольских мифов» посвящена некоторым географическим номинациям («эндемическим» топонимам, гидронимам, и другим «эндемикам» – аборигенным географическим названиям) в предполагаемых центрах этногенеза тюрко-монголов. Эти центры трактуются автором как «геокультурное пространство», в котором топонимы-знаки являются носителями смысла и воплощением значений тэнгри-камского (тэнгрианского) архаического знания. В процессе исследования делается попытка при опоре на идеи Н. В. Абаева показать древность и общность тюрко-монгольских этносов, единство их исторического развития и целостность посредством анализа древних, основных и общих для тюрко-монголов этногонических мифов об Эргунэ-Хун//Эргенеконе, о потопе и о Лебеде-Прародителе, а также интерпретации топонимов, гидронимов, эндемиков, этнонимов Саяно-Алтая. По мнению автора, объединяющим этногонические мифы тюрко-монголов является саяно-алтайский эндемик – «Хем//Кем», отражающий в себе первичный анропоним – Кемер, распространившийся на этноним – киммерийцы (прото-тюрко-монголы) и на гидроним – Улуг-Хем, а также входящий в состав теонимов и религиозных понятий связанных с тэнгрианским мировоззрением («Кем//Кам» и «кемпіркосак»). Данный гидроним Хем//Кем//Ким связан, по мнению автора, с древнейшим этнонимом и исходным, изначальным библейским антропонимом, который теснейшим образом привязан к легенде о прародине тюрко-монголов Эргунэ-Хун//Эргенекон, мифе о потопе и Урянхаем. Путем прочтения топонимов и гидронимов, запечатленных в «геокультурном пространстве» Северного Алтая и установления их связи с сакральными объектами в районе бассейна реки Ку//Лебедь. Автор дает свою интерпретацию «тэнгри-камского архаического знания о сакральной троичности Вселенной: Верхний мир – Тэнгри-хан; Средний мир – Человек; Нижний мир – Эрлик-хан». Сам подход и выводы отличаются научной оригинальностью, но, заметим, они нуждаются в тщательном научном обосновании посредством продуманной междисциплинарной методологии.

Статья Т. Ф. Мархановой посвящена религиозной политике суйских императоров по отношению к сложившейся системе трех учений. Рассматривается история становления синкретической идеологии. Автор анализирует роль конфуцианства, даосизма и буддизма в период формирования централизованного государства в Китае при династии Суй. Показана нетривиальная ситуация мировоззренческого синкретизма (между тремя учениями), который не приводил к личному когнитивному диссонансу у представителей многих слоев населения и позволил выработать довольно взвешенную, сбалансированную, религиозную политику по отношению к традиционным китайским конфессиям и

учениям, вместе с тем, четко проводить политическую линию на доминирование конфуцианства в сфере государственной идеологии.

Т. А. Бакчиев в статье «Интерпретация некоторых символов в эпосе *Манас*» отмечает, что одним из важных предметов исследования в эпосоведении являются символы, присутствующие в эпосах, которые тысячелетиями сопровождали народы и стали частью их традиционного мировоззрения. В манасоведении эта проблема до сих пор остается почти не тронутой. Автор данной статьи преследует цель привлечения внимания исследователей к актуальности проблемы изучения традиционных символов данного эпоса как важных национальных кодов, не претендуя на ее решение. Он предлагает собственную расшифровку некоторых символов этого известного кыргызского эпоса. Несмотря на то, что эти выкладки являются, несомненно, интересными, они нуждаются в более тщательном теоретико-методологическом обосновании.

В статье Н. В. Абаева «Чань-буддизм и ваджраяна в боевых искусствах» рассматривается вопрос об общности философско-методологических и психотехнических принципов чань (дзэн)-буддизма и тантрического буддизма ваджраяны в эзотерической традиции дзогчэн, оказавших влияние на методы психофизической тренировки и психической саморегуляции в традиционных искусствах боевого единоборства народов Внутренней и Северо-Восточной Азии. В частности, автор анализирует религиозно-философские основы бурят-монгольской Школы единоборства Шонын-баша в связи с историко-культурными процессами синтеза и взаимодействия национальной религии бурят и монголов тэнгрианства («религия Вечного Синего Неба») и Северного буддизма Экаяны («Единая Колесница»), как интегрального единства философии и практики Ваджраяны (Тантра) и Махаяны. В результате этого взаимодействия и синтеза, как справедливо отмечает автор, в эпоху Чингис-Хаана сложилась специфическая тэнгрианско-буддийская цивилизация народов Внутренней Азии, в которую вошли предки бурят, монголов, калмыков и других монголоязычных народов, а также тюркоязычных тувинцев.

В статье Т. И. Гармаевой, Н. В. Абаева «К вопросу о методологии изучения роли религии в тэнгрианской цивилизации Внутренней Азии» поднимается актуальный вопрос о правомерности применения терминов «шаманство» и «шаманизм» для обозначения добуддийской религиозной традиции тюрко¹-монгольских народов. Авторы доказывают, что «все должно иметь правильное наименование» и что эти термины, происходящие из тунгусо-манчжурской конфессиональной традиции и будучи, «по сути орудием империализма и колониализма» («неоколониальный дискурс»), к тому же имеющие «несколько пренебрежительное, pejоративное значение», ни в коем случае не годятся для обозначения религиозных традиций тюрко-монголов – «создателей тэнгрианских империй». Если не обращать внимания на выпад против Д. Банзарова, который, по мнению авторов статьи, будучи «русским казаком с тунгусо-бурятскими корнями», способствовал созданию и закреплению термина «шаманство» в науке, «выполняя указы колониальной администрации», то точка зрения Т. И. Гармаевой и Н. В. Абаева о том, что древнюю духовную традицию «кочевников» (номадов) Внутренней Азии ошибочно называют «шаманизмом», совпадает с моей собственной концепцией, сформулированной в монографиях «Человек у Байкала и мир Центральной Азии» (1994) и «Шаманская философия бурят-монголов: центральноазиатское тэнгрианство в свете духовных учений» (2000).

¹ Новейшие исследования процессов исторического распространения буддизма за пределами Индии говорят о том, что население значительной территории Центральной Азии, где сегодня распространен ислам, в первом тысячелетии нашей эры исповедовало буддизм.

В статье Аюшеева Норбу, Хамбо-Ламы Окинского дацана Республики Бурятия, «Сойоты Бурятии в духовной цивилизации саянидов Внутренней Азии» анализируется роль коренных и малочисленных этносов, в частности сойотов Бурятии, в истории и культуре автохтонных тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, в формировании их этно-экологических традиций и экологической культуры, а также ландшафтной экономики. Рассматривается также роль тэнгрианства в духовной культуре тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, а также вопросы формирования этнокультурной общности, называемой «саянидами», их этнические связи с другими этносами Саяно-Алтая и Транс-Саянии.

В данном выпуске журнала опубликованы этнографические заметки тувинского Цорчже Ламы Романа Лудупа (Сундуй – Башкы) “Эрдзин – земля Кесер Чаңгыс-Хаана”, посвященные тэнгрианско-буддийским традициям и обрядам, связанным с почитанием Гэсэра и культом Священных гор, и его переводы некоторых призываний-мантр, используемых в обрядах Огненного подношения горным духам. В этом спецвыпуске начата также публикация «Этимологического словаря тэнгрианских терминов бурят-монголов» Н. В. Абаева, и опубликована рецензия Т. И. Гармаевой и Н. В. Абаева на издание А. Л. Ангархаева «Этимологический словарь бурятского языка» (Улан-Удэ, ПАО «Республиканская типография», 2016. – 312 с. (том I: А – М).

В целом материал данного выпуска отличается определенной идейной направленностью на обоснование идеи о существовании тэнгрианско-буддийской цивилизации, оригинальностью изложенных концепций, наличием интересного фактологического материала и новаторскими междисциплинарными поисками, в которых академическая сторона исследований сочетается с глубокой заинтересованностью в этих поисках самих исследователей.

И. С. Урбанаева
доктор философских наук,
главный научный сотрудник ИМБТ СО РАН
E-mail: 79148335922@yandex.ru